

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NEVILL FORBES BEQUEST
NF. DK95. 56. P1

~~NF 2 E 38~~

N. F. 2. e. 38.

**РОСТИСЛАВЪ МИХАИЛОВИЧЪ,
РУССКІЙ УДѢЛЬНЫЙ КНЯЗЬ НА ДУНАѢ
ВЪ XIII ВѢКѢ.**

С. Н. Палаузова.

СЪ ТАБЛИЦЕЙ, ПОКАЗЫВАЮЩЕЙ РОДСТВЕННУЮ СВЯЗЬ СЛАВЯНСКИХЪ
ВЛАДЕТЕЛЬНЫХЪ ДОМОВЪ ВЪ XIII ВѢКѢ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1851.

N. F. 2. e. 38.

(Изъ Журн. М. Н. Пр. Часть LXXI, Отд. II.)

РОСТИСЛАВЪ МИХАИЛОВИЧЪ,

КНЯЗЬ МАЧВЫ (1).

Въ Совѣтѣ Князей, собранномъ въ Кіевѣ по случаю вѣсти о приближеніи Татарскихъ полчищъ, находился и Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, шурина В. Кн. Георгія. Извѣстно, какой несчастный исходъ имѣла битва на р. Калкѣ. Гроза, отхлынувшая—было къ Восточнымъ предѣламъ, готовилась съ новой силой разразиться надъ Русью, чьи

-
- (1) Источники и пособія: 1) Полн. Собр. Рус. Лѣт. Т. II. Ипатьевская Лѣтопись. 2) Соборникъ Болг. Царя Бориса, рр. XIV вѣка. 3) Сошійскій Временникъ. Изд. П. Строева. 4) Ист. Рос. Государства. *Н. Карамзина*. 5) Чтенія Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ. Ч. 3. 1846 г. 6) Изъ Визант. Пис.: а) *Феофанъ*. б) *Константинъ Багрянородный*. в) *Акрополита*. г) *Никифоръ Грегора*. д) *Пахимеръ*. 7) *Prag: Annal Reg. Hung.* Т. 1. 8) *Schier: De Regnis Hung.* 9) *Schwandtner. Script. rer. Hungaricarum.* 10) *Dlugossus Hist. Pol.* 11) *Raynaldt: Annal. Eccl.* Т. XIII и XIV. 12) *Katona: Historia critica regum Hungariae.* Т. VI. 13) *Féjér: Cod. diplom. Hung.* Т. IV. 14) *Тімон: Imago Hung. Novae.* 15) *J. Ch. von Engel: а) Gesch. der nebenländer des Ungrischen Reiches; б) Geschichte von Halitsch und Wladimir.* 16) *Fessler: Gesch. der Ungern.* т. II. 17) *Нарушевска: Hist. Narodu Polskiego.* Т. V.

Князя, движимые родовой враждою, не прекращали своихъ междуособій.

По случаю одной изъ этихъ усобиць, В. Кн. Георгій посадилъ въ 1225 г. въ Новѣгородѣ Михаила Всеволодовича, какъ ближайшаго своего родственника, умѣвшаго снискать любовь и привязанность своевольныхъ гражданъ. Но выгоды Михаила были на Югѣ, въ Черниговѣ, откуда онъ выѣхалъ на Сѣверъ во время приближенія Татаръ къ Днѣпру. До 1229 г. оставался онъ въ Южной Россіи. Занятый устроеніемъ своихъ дѣлъ въ Черниговѣ, Михаилъ снова поспѣшилъ въ Новгородъ, чтобы уладить размолвку по случаю задержанія Новгородскихъ Пословъ въ Смоленскѣ. Возстановивъ спокойствіе, предупредивъ, быть можетъ, новое кровопролитіе, Михаилъ предложилъ Новгородцамъ, по случаю сильнаго недуга Антонія, избрать другаго Святителя по управленію Епархіей; но несогласія гражданъ въ избраніи Владыки положено было рѣшить жребіемъ. Тогда, вызвавъ юнаго Княжича Ростислава, сына Михайлова, находившагося въ это время въ Митрополичьихъ покояхъ, предоставили ему бросить жребій.

Здѣсь въ первый разъ является имя Ростислава. Чѣмъ же замѣчательнъ этотъ Князь въ Исторіи Юго-Западной Руси и какія были отношенія его къ Венгріи и Болгаріи? Въ двухъ словахъ можно бы удовлетворить этому вопросу: явившись сначала съ притязаніями на Княжество Галицкое, Ростиславъ уступаетъ оное болѣе счастливому сопернику. Удаляется потомъ въ Венгрію и становится Удѣльнымъ Княземъ Мачвы и владѣтелемъ Родны, что въ Карпа-

тахъ. Родится съ Венгерскимъ Королемъ Белой IV, и выдаетъ одну дочь свою за Премыслава-Оттокара Чешскаго, другую за Болгарскаго Царя Михаила Юанновича Асѣня. Наконецъ, пользуясь смутами, возникшими въ Терновѣ по случаю убіенія Михаила, помогаетъ сыну своему, таинственному Мичѣ (Михаилу), занять, хотя не на долго, престолъ Велико-Терновскій. Но судьба этого Князя такъ любопытна, сличеніе объ немъ извѣстій, находящихся въ Русскихъ, Греческихъ и Венгерскихъ Лѣтописяхъ, разливаютъ такой свѣтъ на нѣкоторыя событія его времени, что не излишне будетъ нѣсколько подробнѣе и сколько позволятъ историческія данныя объяснить эту личность. Въ рассказѣ нашемъ мы будемъ касаться слегка только тѣхъ событій, которыя имѣли непосредственное вліяніе на постепенный переходъ его съ отдаленнаго Сѣвера къ Югу, съ береговъ Волохова и Диѣпра на берега Дуная и Моравицы.

Личность Ростислава отмѣчена рѣзкими чертами не въ однѣхъ Русскихъ Лѣтописяхъ. Лѣтописцы Западные и Венгерскіе, при всемъ равнодушіи къ иноземному, не могли пропустить безъ вниманія характерности Русскаго Князя, которая противъ ихъ воли высказывается въ ихъ голословныхъ повѣствованіяхъ. Имя Ростислава, искаженное Греческимъ произношеніемъ и письмомъ, является такъ же и у Византійцевъ. Не смотря на какую-то невнимательность къ лицу, принимавшему жаркое участіе не только въ событіяхъ Юго-Западной Руси, но игравшему замѣчательную роль и у Славянъ Южныхъ,—

лице это едва ли не изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ XIII вѣка.

Безъ сомнѣнія, судьба Ростислава, послѣ ухода его въ Венгрію, легко могла укрыться отъ Русскихъ Лѣтописцевъ. Въ самой Россіи, находясь среди дружинокъ, болѣе возмужалыхъ дѣятелей, каковы были Георгій и Ярославъ Всеволодовичи, Михаилъ Черниговскій, — отецъ его, Даниилъ Романовичъ, и другіе, — Ростиславъ, хотя и съ юныхъ лѣтъ вступилъ на обширное политическое, но, какъ извѣстно, дѣйствовалъ не иначе, какъ подѣ руководствомъ отца, закрытый болѣе могучими личностями. Когда же годы утвердили въ немъ опытъ жизни, начатый со столь раннихъ лѣтъ, — Ростиславъ уходитъ въ Венгрію, вступаетъ въ родство на чужбинѣ, получаетъ особый удѣлъ, подѣ верховною властію Короля, и исчезнувъ съ тѣхъ поръ изъ Русскихъ Лѣтописей, упоминаетъ о себѣ только во время стремительныхъ своихъ набѣговъ на Галичь, напоминая, какъ о лицѣ враждебномъ Руси, чуть ли не съ тою же ненавистью, съ какою изображено нашествіе Татарское. Послѣ этого не слишкомъ ли смѣло и самопадѣянно рѣшаемся мы выступить на защиту Ростислава и его рода? Лѣтописи предѣ нами; постараемся высказать ихъ настоящій смыслъ, и, если возможно, смягчить то невыгодное мнѣніе, которое оставилъ за собою Ростиславъ и отецъ его Михаилъ.

Въ эпоху сильнаго размирья Русскихъ Князей, Ростиславъ въ свою очередь явился съ не меньшими правами, основанными на притязаніяхъ своего рода, стремясь къ достиженію великокняжеской

власти. Не въ одной Россіи удѣлы приняли такое развитіе; напротивъ, всѣ соплеменные съ нею Славянскіе народы представляли одновременно тѣ же послѣдствія родового начала; удѣлы въ Болгарской землѣ (2), удѣлы въ Сербіи, въ Чехіи, въ Польнѣ. Но нигдѣ въ этихъ странахъ они не приняли такого колоссальнаго развитія, какъ въ Россіи. Это, очевидно, и случилось самымъ естественнымъ образомъ. Столкновение дружиннаго начала, пришлаго вмѣстѣ съ Рюрикомъ и его сподвижниками, дало сильный толчекъ къ отрядательному развитію начала родового.

На долю огромному Славянскому племени не досталось того, что было исключительною принадлежностью племенъ Кельтскихъ и Скандинавскихъ, Религіозныя понятія древнихъ Славянъ, не признавая никакой непосредственной связи между божествомъ и человекомъ, не дали, по этому, развиться у себя, подобно какъ у сосѣднихъ народовъ, особой касты жрецовъ, касты іерархической. Кому не извѣстно, до какой степени развитія доходило достоинство верховныхъ представителей народа у Кельтовъ и Скандинавовъ. На этомъ достоинствѣ опиралась идея верховной власти, идея аристократіи. Она вмѣстѣ съ Варяго-Руссами пробирается на Сѣверъ Россіи, пере-

(2) Первые удѣлы были въ при Донской Болгаріи (660—688). Пять сыновей Кобрата оспаривали верховную власть другъ у друга.

Вторые — съ 1300 годовъ. Болгарія, раздѣленная на Княжества и Господарства, сдѣлалась легкою добычею Турецкихъ завоевателей. Въ то время, когда Славяне Руси освобождались изъ-подъ ига Татаръ, Славяне Южные терали, тѣмъ же Татарамъ, свою независимость на Коссовомъ полѣ.

оживается на Югъ, — въ Кіевъ, гдѣ неминуемо послѣдовало столкновение этихъ двухъ началъ. Что было въ Новгородѣ до западныхъ временъ Гостомысла и Рюрика, и какъ смотрѣли Сѣверные Славяне на новый, имъ чуждый порядокъ вещей, — намъ не извѣстно. Иначе было на Югѣ. Слѣды рода мы находимъ еще здѣсь до историческихъ временъ Сѣверной Руси (3), находимъ ихъ такъ же при Ольгѣ (4).

Но обратимся къ нашему Князю; оговорка была необходима, чтобы показать, съ какой точки мы будемъ смотрѣть на дѣйствія Ростислава.

Возьмемъ же нить нашего повѣствованія съ той поры, когда, приведенный среди сонма старшинъ Новгородскихъ, юный Княжичъ рѣшаетъ выборъ

(3) У Феодана, стр. 376. Независимые Русскіе Князья подаютъ, въ 774 году, помощь Телерику, Королю Болгарскому. О взаимныхъ отношеніяхъ этихъ Князей хронографъ ничего не говоритъ; но чтобы ихъ вовсе не было — едва ли можно допустить такое предположеніе.

(4) *Сопт. Rom. de Ser. aulae Byzant. p. 595.*

Разсказывая о приѣмѣ, сдѣланномъ В. К. Ольгѣ при Дворѣ во время ея пребыванія въ Царьградѣ, и описывая свиту Ольги, Имп. Конст. говоритъ, что съ нею прибыли и 20 пословъ 20-ти Русскихъ Князей; — *των αρχόντων Ρωσσίας ἀποκρισάριος*. Ольга, сколько извѣстно, имѣла одного сына, Святослава.

Не страннымъ ли покажется это извѣстіе Лѣтописца Греческаго, — извѣстіе современное самому событію? Но оно было такъ, а не иначе. Съ этимъ самымъ согласуется и извѣстіе Нестора, что въ древней Руси, кромѣ Кіевскаго, были и другія Княжества, — Черниговское, Переяславское, Ростовское, Любечское, Полтеское и другіе; но тѣмъ бо городомъ сядягу Князья подѣ Ольгомъ суще.

Владыки. Прослѣдимъ жизнь его и участіе, которое онъ принималъ въ тѣхъ событіяхъ Сѣверной и Южной Руси во время Татарскаго нашествія, понудившія его оставить навсегда родину. Наконецъ постараемся изобразить дѣйствія его въ Венгрии, отношенія къ Болгаріи, которой выгоды были такъ близки ему, что Верховный Совѣтъ Терновскихъ Бояръ удерживалъ его на нѣкоторое время, какъ лучшаго и вѣрнѣйшаго посредника между Болгаріей и Царевскимъ Императоромъ Даскаремъ. Не одна политика руководила Ростислава въ принятомъ имъ участіи въ дѣлахъ Болгарской земли: кромѣ родства съ Михаиломъ Иоанновичемъ Асѣнемъ, за которымъ была старшая дочь Ростислава, одинъ изъ сыновей послѣдняго, Михаилъ, занималъ даже, какъ замѣтили выше, престолъ Велико-Терновскій.

Въ томъ же году, когда имя Ростислава впервые является на страницахъ Русскихъ Лѣтописей, отецъ его, Михаилъ Всеволодовичъ, долженъ былъ ѣхать обратно въ Черниговъ. Ростиславъ оставался одинъ въ Новѣгородѣ. Прошавъ съ гражданами, Михаилъ, увѣренный въ *Правду Новгородскую*, желалъ только одного отъ нихъ, чтобы сынъ его былъ возвращенъ ему съ честью (5). Черезъ

(5) Соф. Врем. изд. П. Строева, годъ 1229 г. Приде Кн. Михайло изъ Чернигова въ Новгородъ, и ради быша Новгородцы, и цѣлова Князь крестъ, что ходити по Ярославимъ грамотамъ а болѣ того не изневолятъ Новгорода.

Троицкая Лѣт. годъ 1229.—Тогожь лѣта поиде Князь Михайло въ Черниговъ къ брати, а сына своего Князя Ростислава остави въ Новѣгородѣ, и рече: *дай Богъ и правда Новгородская исправити, тебѣ сынъ мой отъ всѣхъ полати.*

годъ, т. е. въ 1230, мы видимъ Михаила опять въ Новѣгородѣ, совершающимъ обрядъ постригъ въ Софійскомъ храмѣ подл. Ростиславомъ и утверждающимъ его на столѣ Новгородскомъ (6).

Юный Ростиславъ, оставшись одинъ въ Новѣгородѣ, руководимый посадникомъ Водовикомъ, которому, безъ сомнѣнiя, былъ порученъ самимъ Михаиломъ, является какъ бы лицомъ страдательнымъ среди тревоголюбивыхъ гражданъ. Сначала мятежъ въ самомъ Новѣгородѣ, по случаю жестокостей Водовика, потомъ дороговизна и голодъ, и наконецъ враждебныя отношенiя брата В. Кн. Георгiя, Ярослава Всеволодовича, овладѣвшаго уже Волокомъ-Ламскимъ,— все это заставило Новгородцевъ звать отца, не надѣясь на неопытность Ростислава. Впрочемъ, намѣренiя Михаила не согласовались съ виданiемъ Новгородцевъ. Онъ желалъ съ Ярославомъ мира, желалъ его по тому, что не хотѣлъ упустить изъ виду своихъ личныхъ выгодъ на Югѣ Россiи, занявшись исключительно распрей между Ярославомъ Всеволодовичемъ и Новымъгородомъ, и этимъ своимъ поступкомъ возбудилъ противъ себя великую ненависть своихъ Новгородцевъ. Ростиславъ находился въ это время въ Торжкѣ. Здѣсь, вмѣстѣ съ извѣстiемъ о миролюбивомъ посредничествѣ отца, получилъ онъ и вѣсть о своемъ отрѣшенiи отъ стола Новгородскаго, по той причинѣ, какъ говорили ему посланные,

(6) И створи постригъ сына своего Ростиславу у Св. Софiи.... и посади его на столѣ, и самъ поиде въ Църингевъ (О постригакъ см. Карамз. III, стр. 93, и прил. 143, 144 и 145. Изд. Эйнерлинга).

кто отецъ намѣнялъ имъ, и что быня не достоинъ быть ихъ главою.

Въ слѣдующихъ за тѣмъ четырехъ годахъ, Лѣтониси молчатъ объ Ростиславѣ. Вѣроятно, изъ Торника, онъ отправился вместе съ Воловникомъ и другими влутниками въ путь въ Черниговъ, и только въ 1234 году снова явдается на сцену Исторіи, подъ Ярославемъ Галицкимъ, какъ союзникъ Бемы IV, и помолвленый на дочери его Динѣ (7).

Быстро развивались событія въ Южной Руси, когда главнымъ ихъ двигателемъ былъ безвзвѣснѣйшій Даниилъ: между тѣмъ, Батыевы полчища все ближе и ближе подвигались къ Дитюру. Михаилъ и Ростиславъ держали Галичь. Безпомощны были старанія Даниила изгнать ихъ оттуда— *заговорилъ бо ея бѣлста во градъ и: Уаоръ мнооество бѣлштъ у ниль*. Беда уже ясно поддерживала междоусобія. Юго-Западной Руси, всѣми силами стараясь воспрепятствовать ей слиться подъ однимъ владѣніемъ. Михаилъ, узнавъ объ отъѣздѣ изъ Кіева. Князя Ярослава, тотчасъ поспѣшавъ овладѣть этимъ городомъ, оставивъ въ Галичь Ростислава. Но и Даниилъ не дремалъ. Онъ въ свою очередь подстерегъ Ростислава, коварнаго въ Дитюру, обступилъ Галичь, и заставилъ его добровольно сдаться. Узнавъ объ этомъ, Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрію, и успѣлъ укрыться отъ погони, посланной въ слѣдъ ему Данииломъ (1236) (8).

(7) У Прая, ad ann. 1240. Пальма ставитъ это событіе въ 1236 г.

Слѣдующе лѣтосчисленію Ипат: Лѣтониси, гдѣ Ярославъ, а за нимъ Владиміръ Волынской были взятъ Белой въ 1234.

(8) Ростиславъ же бѣжа въ Уары: вучомъ ниль на влвнѣ на Борьсуковъ Дѣлъ, приде къ Бани, рекомѣй Родна, а отту-

Можно ли винить Ростислава въ томъ, что онъ въ самую критическую для Россіи минуту оставляетъ родину и укрывается при Дворѣ Белы, куда впрочемъ звали его и другія обязанности? Обставленный лицами, ему и его роду враждебными, между которыми дѣятельнѣе всѣхъ представляется Данилъ Романовичъ, — Ростиславъ всегда являлся жертвою обстоятельствъ. Едва онъ успѣлъ прѣхать въ Венгрію, какъ уже отецъ его Михаилъ (въ 1240), и вскорѣ за нимъ самъ Данилъ посѣдѣли по его же слѣдамъ уйти отъ приближающихся Монголовъ. И здѣсь Данилъ не оставляетъ кресты: старается расторгнуть предположенный бракъ, предложивъ Белѣ отдать дочь за сына своего Льва; но Король, отказавъ обоимъ, прогналъ ихъ отъ себя прочь (9).

Изгнанные такимъ постыднымъ образомъ, бѣглецы принуждены были оставить Венгрію, убѣгая отъ приближающагося Батыя, точно такъ же, какъ бѣжали они и изъ Россіи. Слѣдуя по стопамъ огня, Ростиславъ идетъ въ Польшу *по уези своему въ Лялы и ко Кондратови*. Михаилъ старается чрезъ пословъ склонить Данила на мировую, и послѣдній общается ему Кіевъ, а Ростиславу Луцкъ. Но Михаилъ не смѣлъ одинъ, безъ дружины, явиться въ Кіевъ *за стражъ Татарскій*. Долго блуждали изгнанники изъ одной страны въ другую. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Ипатьевская Лѣтопись подъ

да иде въ Угры... Данилови же увѣдавшу уходъ ихъ, по-
сид на нѣ вое свое, и гнаша по нихъ до горъ. *Ип. Л. 1236 г.*

(9) Не идаетъ дѣвки своей Ростиславу и погна и проль. *Ипат. Лѣт.*

1238 г. «Михаилъ, узнавъ, что Кіевъ взятъ, бѣжалъ съ сыномъ своимъ въ Польшу къ Кондрату. Но такъ какъ Татары приближались, то Михаилъ уходитъ далѣе въ землю Вратиславскую и приходитъ къ мѣсту, называемому Берета (Сирадія), былъ здѣсь ограбленъ Нѣмцами, которые, видя богатый и пышный поѣздъ Русскаго Князя, напали на его людей и даже внуку его убили» (10). Наконецъ они появляются на роднѣ. Михаилъ идетъ къ Кіеву, не смѣя однакожь войти въ городъ, останавливается на одномъ изъ острововъ Днѣпра, Ростиславъ же посылаетъ въ Черниговъ, или вѣрнѣе на его развалины (1240 г.).

Въ слѣдующемъ 1241 г. собравъ Болоховскихъ Князей и часть Галичанъ, ему преданныхъ, Ростиславъ вторгается въ земли Даніила, подступаетъ къ Бакотѣ, въ Понизьѣ, откуда былъ отраженъ Кирилломъ, Даніиловымъ печатникомъ. «Отраженный Ростиславъ хотѣлъ угѣворить его; но Кирилъ отвѣ-

(10) Конрадъ Старый, Куляковій, жератидъ на Русской Книжнѣ Агаеи, приходится дядей Михаилу Черниговскому; братъ Капрада, — Лѣшекъ Бѣлый, Краковскій, былъ также женою на Русской Княжнѣ Гремиславѣ.

Объ убіеніи внука Михаила Черниговскаго см. остроумное примѣчаніе О. М. Боданскаго къ перев. статьи Палацкаго: *О Русс. Кн. Ростиславѣ и его родѣ*, помѣщенной въ Читеніяхъ Импер. Общ. Ист. и Древностей Россійскихъ № 3. Москва 1846 г. — гдѣ онъ говоритъ: «Это событіе на подало ли породу къ сказанію объ убіеніи Красной Кудлаевны Нѣмцами, которое по Краледворской рукописи и старо-Нѣмецкой легендѣ о Св. Гедвигѣ, было, де, причиною нашего стѣзья Татаръ на земли Христіанскія и случилось по словамъ послѣдней у города Середы (Neuschark)»?

часть ему: такъ ли ты отплачиваешь дядимъ твоимъ (Даниилу и Васильку) за ихъ добродѣянія? Забылъ ли ты, когда Король Угорскій изгналъ тебя и отца твоего (и Данила) изъ земли своей, какъ принялъ васъ, Господа монарха твоего дяди? Отца твоего держали въ великой чести, общали Кіевъ, а тебѣ Лудъ дали, и мать твою, а свою сестру, захитавъ изъ рукъ Ярослава, отцу твоему возвратили. Иначе и не можеть говорить современникъ и при томъ же приверженецъ Данила. Тогда Ростиславъ, сопровождаемый Галицкимъ Бояриномъ Владиславомъ летомъ, переправившись иза Днѣпръ, занимаетъ Галичь и Перемышль, гдѣ имѣлъ еще преданныхъ себѣ друзей. Но Данилъ стремился уже отстоять Галичь. Ростиславъ, въ сопровожденіи Артемія, Епископа Галицкаго и другихъ Галичанъ, уходитъ въ Щекотовъ: но услыжавъ, что Батый, возвращаясь изъ Венгрии, намеренъ воевать землю Галичьскую, и не имѣя болѣе пристанища на родинѣ, снова обращается къ Белѣ, который наконецъ отдаетъ за него дочь свою (1243) (11).

Чтобы послѣдовать за Ростиславомъ на повоиъ его поприще въ Россіи, чтобы вполне заняться имъ на чужбинѣ, желательно было бы отдалить его отъ родины въ то время, когда онъ окончательно поселяется въ Мачевскомъ своемъ удѣлѣ, имѣи резиденціей Бѣградъ Дунайскій. Изъ текущаго рассказа мы увидимъ, что отношенія Ростислава къ Южной Россіи не совсѣмъ прервались, и что стремленіе

(11) *Ипат. Л.* — Ростислава разгнаша Татаромъ во Вору и бѣжа Угры, и власть за нь паки Король Угорскій дочью свою.

его удержатъ за собою Галицкую область поддержи-
валось и Венгріей и Польшею. Но отпоръ, получен-
ный имъ, былъ славнѣе стремительныхъ его набѣ-
говъ; это понудило его наконецъ отказаться отъ
любимой мысли сдѣлаться когда-либо независимымъ
Княземъ Галицкой земли.

Михайль, узнавъ между тѣмъ, что Бела отдалъ
за сына его дочь свою Анну, самъ посѣдѣлъ въ
Венгрію въ надеждѣ найти себѣ вѣрную помощь
своимъ видамъ, — но обманулся. Король и Ростис-
лавъ, — по выраженію Лѣтописи, — *чести: сьмоу
сотебориста; онъ же разитъ сася на сына: возвратишъ
Чернигову (1245) (12).* Вѣроятно всего *чести: сьмоу*
не сотворилъ Бела, а не Ростиславъ; но что Ми-
хайль явился въ Венгрію «совѣтоваться съ Коро-
лемъ о средствахъ избавить себя отъ ига Татарска-
говъ (13)» объ этомъ вовсе не упоминаетъ Лѣтопи-
сецъ. Впрочемъ, это обстоятельство не такъ важно
въ политическомъ отношеніи. Изъ него желатель-
нѣе бы узнать о чувствѣ сыновней любви Ростисла-
ва; и если вспомнить тѣ враждебныя отношенія,
которыя онъ и Михайль питали къ Давиду, то оче-
видно, что Михайль старался уговорить Бела под-
нять оружіе не на Татаръ, а на Давида. На это за-
ключеніе невольно наводитъ послѣдующій разговоръ
Лѣтописи, гдѣ говорится, что изъ Чернигова Ми-
хайль отправился къ Батію, просить *волости своєю*
отъ него (14); а не *волости собы*. Ясно: самъ Лѣто-

(12) Ипат. Лѣт.

(13) Ист. Гос. Рос. Т. IV, гл. I, стр. 22, изд. Эйверлингга. То же
повторяетъ и Полевой.

(14) Ипат. Лѣт. подъ 1245 г.

нисецъ намекаетъ на то обстоятельство, что Михаилъ только и хлопоталъ, какъ бы избавиться ему отъ Данила. При томъ же зналъ ли Ростиславъ о намѣреніи отца ѣхать къ Хану, и не легче ли было ему дѣйствовать съ нимъ за одно, нежели отдѣльно (противъ Татаръ или Данила, все-равно), въ то время, когда, собравъ множество Угровъ, выпросилъ у тестя дозволеніе выйти на Перемышль (15). Здѣсь опять невольно возвращаемся къ первому положенію: какое право имѣлъ Ростиславъ ратовать противъ Данила? Происходя по прямой линіи отъ Олега Черниговскаго, сына Князя Святослава Ярославича, третьяго сына Ярослава Владиміровича, на долю котораго по смерти послѣдняго достался Черниговъ, — эти Олеговичи не разъ являлись въ Русской Исторіи претендентами Великокняжеской власти и долго оспаривали это достоинство у потомковъ Владиміра Мономаха. Сынъ Олега Черниговскаго — Всеволодъ Олеговичъ держалъ Великое Княженіе съ 1139 по 1146 годъ. Внукъ его Всеволодъ Святославичъ Чермный является Удѣльнымъ Черниговскимъ Княземъ до 1210 г.; онъ владѣлъ въ некоторое время Кіевомъ, и скончавшись въ 1215 г., передалъ въ свою очередь сыну своему Михаилу отцу Ростислава стяжаніе Великокняжескаго достоинства Русскія земли. Отсюда объясняется стремленіе къ первенству Михаила, а за нимъ и Ростислава и взаимная вражда Олеговичей съ Романовичами.

(15) *Ипат. Лѣт.* Умоливъ Угорь много, просился у тестя, да выйдетъ на Перемышль, вшедшу ему собраше смерды много пшци, и собра я Перемышль.

Но какъ бы то ни было, Михаилу спорѣ отка- залъ не сынъ, а Король, и какъ только Михаилъ уѣхалъ, Ростиславъ, собравъ Угорское войско, вы- пресилъ у тестя дозволеніе попытать новаго счастья на Руси. Для отраженія его Данилъ послалъ сына своего Льва, и по молодости послѣдняго дадъ ему въ соотрудники ратные *сыновца своего Всеволода, Андрея и Якова* и другихъ Бояръ (16). Войска встрѣтились на рѣкѣ Сѣчницѣ. Превосходство Ростиславовой пѣ- хоты заставило Всевода Галичскихъ отступить. Самъ Всеволодъ, по выраженію Лѣтописи, *не помогъ имъ и навороты конь свои на бѣгъ* (17). Данилъ, узнавъ объ успѣхахъ Ростислава, воспѣшилъ явиться съ свѣжими силами и успѣлъ прогнать ихъ изъ своей области (18).

Прошло еще четыре года и Ростиславъ снова енижается съ Мачвы войною на Давіана. Въ 1249 г. предводимое имъ новое войско Угорское втор- гается въ Юго-Западные предѣлы Россіи. На этотъ разъ однакожь, кромѣ Угровъ, Ростиславъ имѣли и Лышца, Короля Польскаго, *онъ посылаетъ имъ Лаша*.

Предводительствуя Поляско-Венгерскимъ вой- скомъ, въ которомъ находились и Руссы, предан- ные ему, онъ подступаетъ сперва къ Ярославлю. Увидѣвъ же, что городъ этотъ былъ укрѣпленъ, обра- тился къ Перемышляю, гдѣ, собравъ жителей, *осу- ды ратные и градные и вероки* (т. е. стѣнныя

(16) Ипат. Лѣт. подъ 1243.

(17) Тамъ же.

(18) Тамъ же.

орудія) снова устремился къ Ярославлю, рассчитывая: *аще сего не прииму, да сего держу*. Мы сказали, что Ярославль былъ сильно укрѣпленъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ находились люди, преданные Данилу и Васильну, и въ случаѣ надобности надѣялись получить скорую помощь отъ сихъ послѣднихъ. Они рѣшились выдержать осаду непріятеля. Съ своей стороны Ростиславъ, желая повести осаду города по всемъ приемамъ тогдашняго искусства, приказалъ построить тараны и валы. Такъ какъ турниры и ристалища были въ это время въ употребленіи у Венгровъ, то Ростиславъ, для сокращенія времени, устремлялъ ходъ стѣнами Ярославля рыцарскую игру, къ великому удивленію осажденныхъ. Лѣтописецъ Русскій весьма чистосердечно и подробно описываетъ этотъ случай, во всемъ сходный съ извѣстіями Западныхъ Историковъ: «Стоящу же ему (Ростиславу) у грѣда и строящу пороки, ими же приметъ градъ, и бысть бой великъ предъ градомъ; оному же велиишу своимъ озабитися, да не язвены будутъ вои его отъ гражанъ, дондеже устроитъ сосуды порочные. Хвалящу же ся ему предъ вои своими и рекшу: *аще быхъ издала къ Данила и Василка, пхалъ быхъ на ня, аще бы ми съ десятию воими, пхалъ быхъ на ня*. Гордящу же ся ему и сотвори игру предъ градомъ, и сразивъшуся ему со Воршемъ и надеся подъ нимъ конь и вырази собѣ плече; аше на добро случися ему знаменіе». Вскорѣ явились Данилъ, братъ его Василько и сынъ перваго Левъ Даниловичъ со вспомогательнымъ Литовскимъ отрядомъ, посланнымъ Миндовгомъ. 18 Августа произошла подъ стѣнами Ярославля сильная и упорная

битва, въ которой Ростиславовы Русы, Угре и Поляки были совершенно разбиты, въ которой самъ Ростиславъ, не будучи въ состояніи управлять и распорядить войскомъ, вывихнувши себѣ на турнирѣ плечо, потерявъ во время схватки коня, — едва не лишился жизни, и былъ обязанъ спасеніемъ Угорскому Боярину Лаврентію, который отдалъ ему своего коня (19). Подробности этой битвы въ Ипатьевской Лѣтописи рассказаны такъ живо и обстоятельно, съ точнымъ обозначеніемъ самой мѣстности, что, нѣтъ сомнѣнія, описаніе ея принадлежитъ очевидно. Приближаясь къ Ярославлю, Данилъ и Василько послали въ городъ Боярина Андрея, какъ вѣстника о близкомъ спасеніи. «Когда же войны — говоритъ Лѣтопись — не доходя еще рѣки Сяна, стали готовить свое оружіе, то увидѣли они чудное явленіе: словно черная туча налетѣли со всѣхъ сторонъ надъ ихъ полкомъ стаи орловъ и вороновъ, и весело было птицамъ въ воздушномъ пространствѣ. Орлы заклекали и расширивъ крылья, быстро и плавно разсѣкали воздухъ. Никогда и нигдѣ прежде ничего подобнаго не было. И къ добру было имъ это знаменіе». Данилъ и Василько поспѣшили переправиться чрезъ Сянь, расположивъ Половецкіе полки въ авангардѣ. Юный Левъ Даниловичъ былъ порученъ одному изъ Васильковыхъ Бояръ, чтобы

(19) Случай этотъ упоминается въ грамотѣ, данной Белою IV Лаврентію, придворному своему Сульъ 13 Апрѣля 1264 г., и начатанной Тимономъ въ *Imago novae Hungar.* p. 79. Русскій Лѣтописецъ не знаетъ, впрочемъ, этого обстоятельства.

Въ той же грамотѣ говорится и объ Ярославльскій битвѣ.

стеречь его во время битвы. Ростиславъ, видя приближающихся враговъ, выступилъ противъ нихъ, оставивъ у воротъ Ярославля часть пѣхоты, чтобы изъ города не вышли на помощь Данилу и не уничтожили бы построенныхъ имъ *перодовъ*. Устремившись на полкъ Данила, Ростиславъ былъ оставленъ Бояриномъ Андреемъ, пославшимъ со своимъ отрядомъ отрѣзать ему дорогу. Ударъ былъ такъ стремителенъ, что отъ изломавшихся щепъ, *яко отъ грома тресновеніе бысть*, и съ обѣихъ сторонъ многіе за-мертво пали съ коней. Тогда Данилъ, видя, что Андрей остался съ малой дружиной, отрядилъ къ нему на подмогу двадцать избранныхъ ратниковъ.

Съ другой стороны, Поляки шли на отрядъ Василька *керьлешъ поюще*, между тѣмъ какъ Венгерскій Воевода Фильній (*banus Fyle*), стоя въ заднемъ полку съ знаменемъ, подстрекалъ своихъ слѣдующими словами: «Русь съ жаромъ бросается въ первый пылъ битвы; стерпимъ ихъ устремленіе, продолжительную съчу не выдержать имъ» (20). Въ самомъ жару схватки Левъ Даниловичъ, устремившись на Венгерскаго военачальника, *о того же гордаго Филью*, не смотря на юность свою, неустрашимо *изломи копые свое*. Но вскорѣ подоспѣлъ самъ Данилъ, разстроилъ Венгерскую дружину, разорвалъ на-попы неприятельское знамя и заставилъ Угровъ отступить съ большимъ урономъ.

(20) Русь тѣмъ суть въ брѣвѣ; да стерпимъ устремленіа ихъ, не стерпимъ бо суть на долго время на съчу.

Въ то самое время какъ Ростиславъ съ Уграми отступалъ предъ Даниломъ, Польская дружина схватывалась съ отрядомъ Василька, самохвально издѣваясь надъ ратниками послѣдняго: *поженемъ на великимъ бороды!*— «*Ложь глаголь естъ вашъ*»— отвѣчалъ неустрашимый Василько и устремилъ коня своего въ сѣчу. Поляки не выдержали и тутъ же обратились въ бѣгство. Послѣдній ударъ былъ нанесенъ. Ростиславу оставалось только бѣжать, страшась погони, которую, впрочемъ, по настойчивости Василька, Данилъ велѣлъ отмѣнить. Множество труповъ легло на мѣстѣ битвы; множество было взято въ плѣнъ, въ числѣ которыхъ и *Филъ гордый*, взятый Андреемъ, былъ казненъ по приказанію Данила. Бояринъ Жирославъ привелъ Владислава, *злого мятежника земль*, котораго Данилъ также велѣлъ казнить. Даровалъ Богъ побѣду сію накупни Св. Великомучениковъ Фрола и Лавра, т. е. 28 Августа 1249 г. Ростиславъ же убѣжалъ въ Польшу, взявъ оттуда жену свою, и возвратился въ Мачву, поселясь въ резиденціи своего новаго удѣла, Бѣградѣ. «Изъ Угоръ пришелъ онъ съ женою въ Польшу съ намѣреніемъ взять Галичь и обладати имъ; Богъ же за высокомысліе его не сдѣлалъ того, чего онъ хотѣлъ» (21). Этими словами кончается въ Русской Лѣтописи сказаніе о подвигахъ Ростислава въ Юго-Западной Руси.

(21) Ипат. Лѣт. 1249 г.

Мачва въ настоящее время, составляя *кнежину* (22) Шабачкаго Округа, занимаетъ пространство между рѣками Дриномъ, пониже города Ложницы, и Савой и горою Церъ. По ровной долинѣ этой Кнежины, отъ самаго Дрина и до Шабца, тянется дубовый лѣсъ *Китогъ* и трясины *Церна-Бара*. Богатая и плодоносная долина Мачвы населена нынѣ выходцами Босняцкихъ Сербовъ, села которыхъ расположены по живописнымъ и зеленѣющимъ берегамъ Засавицы. Рогатый скотъ, кони и хлѣбъ издревле обилуютъ въ большомъ количествѣ

• Въ Мачвѣ пышной и богатой • (23).

Этотъ краткій топографическій очеркъ Мачвы современной, входившей однакожь въ составъ древняго удѣла, едва ли можетъ дать понятіе о положеніи и пространствѣ, какое имѣла она, когда Рѣстиславъ Михайловичъ получилъ ее въ приданое за

(22) Въ нынѣшней Сербіи нашіи или округи раздѣлены на Кнежины; такъ напр.: Кнежины Шабачкаго Округа суть: Мачва, Поперина (около горы Церъ), Тавнава на рѣкѣ того же имени. Зворницкій Округъ имѣетъ — Жадаръ, Радженину и др.

(23) У богатой и поносной Мачвы Србс. пѣси.

своею женой: посему постараемся изобразить географію этого Княжества въ XIII вѣкѣ.

Исторически извѣстно, что Императоръ Мануилъ Комнинъ, утвердившись на Царградскомъ престолѣ, во все продолженіе 37-лѣтняго царствованія, не переставалъ имѣть непосредственное вліяніе на сосѣднія Государства. Кромѣ горъ Тавра, прибрежій Иллирій и Италіи, морей Сициліи и Архипелага, — самыя долины Дуная и Угорской земли, горы и лѣса Сербіи были попеременно свидѣтелями битвъ Мануила. Смерть его, случившаяся въ 1180 г., дала наконецъ возможность отдохнуть въ свою очередь Сербіи и Венгріи. Урошъ Бѣлый полагаетъ начало независимости первой, между тѣмъ какъ Бела III безпрятственно занимаетъ земли по рѣкѣ Савѣ — Кроацію, часть Далмаціи, а по Дунаю — Смедерево (Семендрию), Бѣлградъ и Браничево (Панчово). Въ продолженіе 60 лѣтъ земли сіи находились въ зависимости отъ Венгріи, не имѣя никакой административной организаціи, и только въ 1247 г. Бела IV, отдѣливъ часть ихъ отъ рѣкѣ Болгарской или Великой Моравы, вдоль Савы и Дрину пониже города Ложницъ, отдалъ въ управленіе зятю своему Ростиславу. Княжество это получило названіе Мачвы отъ укрѣпленнаго замка того же имени Мачоу — говоритъ Тимонъ; предѣлы же, въ которыхъ заключалось это Княжество, тотъ же Тимонъ изобразилъ слѣд. словами (24): «est provincia finitima Coviniens», — Комитата Кеке (25), «procurrrens

(24) *Imago Hung. novae. Cap. IV.*

(25) Комитатъ Кекекій занималъ пространство вдоль правыхъ берега Дуная, отъ устья Великой Моравы до ст. Орсовицъ.

а *Sava Maravash verana, irrigua Vestine Colubra* — съ Западной стороны Мачва: граница Комитатомъ Бродскимъ (26) (Comitatus Obrascensis inter Savum et Drinam) и Комитатомъ Сребердинскимъ (27), (Comitatus Zrebernikensis), — представляющими въ настоящее время часть Северо-Восточной Боснии. Комитаты эти входили въ управленіе Мачванскаго Князя, резиденціей котораго была, какъ замѣчено выше, Бѣлградъ на Дунаѣ.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что Мачванскій уѣздъ Ростислава Михайловича заключался въ земляхъ между рѣками Великой Моравой и Дриномъ, текущими параллельно и впадающими одна въ Дунай, другая въ Саву. Въ самой срединѣ этого уѣзда, плодородный бассейнъ рѣки Колобары, вливающейся въ Саву и принимающей въ себя множество небольшихъ, побочныхъ рѣчекъ, по своимъ направленіямъ и на большое пространство орошаетъ богатые пажити долинъ, опушенныхъ лѣсистыми горами. Города: Браичевъ (нынѣ Панчево) (28), и Бѣлградъ, на Дунаѣ; Савацъ (нынѣ Шабацъ), на р. Савѣ; Лешница и Ложница на р. Дринѣ, Валиево на р. Колобарѣ, — замѣчательны и въ настоящее

(26) На р. Савѣ, Бродъ, пониже устья р. Окрины.

(27) Сребреница, на р. Дринѣ, между Зворникомъ и Вышеградомъ.

(28) Зап. Лѣтописи «Браничево наз. Браницъ и Бранденъ. Бѣлградъ—Belegrauae. См. Gesta Dei per Francos. Т. 1, р. 186.— У Князя Браничево отдѣлено отъ Бѣлграда и Сиринъ (Срединъ) Дунаемъ. Упоминаема въ Райнальдовыхъ Annales Eccl. (Т. XIII. р. 123). Болгарская Эпископія — Brandizuberensis — была именно Браничевска. Въ X в., король этотъ принадлежалъ еще Болгаринъ. Подробнѣе см. Шафарика Slov. Starozumъ. Часть II, въ отдѣлѣніи — «Славянскіе Болгаре».

время своею населенностію, а въ нѣкоторыхъ видны еще слѣды разваливъ древнихъ укрѣпленій.

О внутреннемъ управленіи Мачвы положительно ничего не извѣстно. Достоверно однакожь, что всѣ Комитаты, находившіеся по правую сторону рѣкъ Дуная и Савы, были подвластны Мачевскому Князю или Бану, а слѣд. и самая Боснія подчинена была его управленію. И въ этомъ смыслѣ Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій былъ первымъ Русскимъ Удѣльнымъ Княземъ на Дунаѣ.

Въ вышеизложенномъ мы видѣли Кн. Ростислава на Руси, какъ рѣзкое выраженіе Удѣльнаго періода; видѣли его въ Угорской Землѣ, откуда нѣ разъ стремился онъ присвоить себѣ права, оспариваемыя болѣе счастливымъ противникомъ его— Даниломъ. Битва при Ярославѣ едва ли могла отбить у Ростислава охоту на родовое притязаніе, еслибы опора, которую, съ одной стороны, имѣлъ онъ въ тестѣ своемъ Белѣ IV, съ другой — въ Польшѣ, могла еще длиться. Но Бела, слѣдя подозрительно за сосѣдомъ своимъ Премыславомъ—Оттокарромъ II, во всякомъ случаѣ отказался бы сдѣлать новую попытку на Галичь, и Ростиславъ долженъ былъ довольствоваться Мачвою.

Но другія событія, другая страна призываютъ наше вниманіе, — это Болгарія, которая, въ эпоху нашего разсказа, представляла, болѣе нежели когда-либо, пародію Византійской жизни, бывшей слѣдствіемъ почти полутора-вѣковой зависимости этой страны отъ Имперіи. Новая династія въ лицѣ Асѣня (1186) не положила никакихъ прочныхъ основъ новой политической жизни. Короткое, но энергическое царствованіе Іоанна I (Каліана съ 1196—1207), не надолго успѣло отстранить съ одной сторо-

ны духовное вліяніе Запада, съ другою стремленіе Крестоносцевъ Константинополя утвердиться во Фракіи. Іоаннъ явился въ Болгаріи въ такое время, когда Юго-Востокъ Европы сильно колебался между Православіемъ и Папизмомъ, и между тѣмъ онъ сумѣлъ противопоставить свою политику политикѣ первѣйшаго мужа Запада, — Папы Иннокентія III, а битвой въ Габровскихъ ущельяхъ и смертію Балдуина успѣлъ въ самомъ началѣ пошатнуть власть Латиновъ, временно воцарившихся въ Царѣградѣ.

Наступаетъ 24-лѣтнее царствованіе Іоанна II Асѣня (1217—1241), сына «старога Асѣня» — какъ сказано въ Синодикѣ Царя Борила. — «Иже многа любовь имѣя къ Богу, прославивъ и просвѣти Българское Царство паче всѣхъ Царей Българскихъ бывшихъ прежде его».... Нѣтъ сомнѣнія, что Болгарскій Лѣтописецъ даетъ это мѣсто Іоанну Асѣню въ числѣ регентовъ новой династіи. Родство съ Венгерскимъ Домомъ, союзъ съ Іоанномъ Ватаци, миролюбивыя отношенія къ Сербіи, — дали возможность спокойному и долговому царствованію его заняться исключительно внутреннимъ устройствомъ Болгарской земли; но къ несчастію Іоаннъ II успѣлъ только на нѣсколько лѣтъ отстрочить новые безпорядки.

Іоаннъ Асѣнь умеръ въ 1241 г. Престолъ, по порядку наслѣдства, принадлежалъ малолѣтнему сыну его Коломану, рожденному отъ Маріи Венгерской (29). Малолѣтство и неопытность юнаго Па-

(29) По извѣстіямъ Западныхъ Историковъ, Коломанъ, вступая на престолъ, былъ не болѣе 14 лѣтъ, между тѣмъ какъ Византійскіе полагаютъ его по 8 году. Сбивчивость Византійскаго лѣ-

ря заставили Верховный Совѣтъ Бояръ возобновить союзъ, заключенный еще въ 1226 г. между Іоанномъ Асѣнемъ и Ватаци.

Но, видя теперь на престолѣ Болгаріи слабого ребенка, послѣдній не устоялъ и, переправившись черезъ Геллеспонтъ, устремился на Солунь. Почти въ то же время Ватаци получилъ извѣстіе, что Азіатскимъ его владѣніямъ угрожаютъ Монголы. Это обстоятельство заставило его отложить до другого времени свои намѣренія на Болгарію и переправиться обратно въ Малую Азію.

Въ 1244 г. начались переговоры между Болгарскимъ Правительствомъ и Иннокентіемъ IV, о соединеніи Церквей. Папа 1245 г. особой грамотой приглашалъ Коломана къ созванію Собора и въ этой-то грамотѣ именуется его *Царемъ Болгаріи*. Но смерть послѣдняго прекратила сношенія съ Римомъ.

Ватаци изъ Азіи поспѣшилъ опять во Фракію. Достигнувъ береговъ Марицы, онъ узналъ о смерти Коломана, которому наследовалъ (1245) братъ его

тождества очевидно изъ показанія, что І. Асѣнь умеръ въ одномъ году съ Императрицей Ирмой, женой І. Ватаци, т. е. 1245, тогда какъ послѣдній годомъ прежде, т. е. въ 1244, вступилъ во второй бракъ, а Папа (Иннокентій IV) въ одной бумагѣ называетъ Коломана Царемъ Болгаръ уже въ 1245 г., слѣд. этотъ годъ не можетъ быть годомъ смерти І. Асѣня.

І. Асѣнь отъ первой своей жены, Маріи, дочери Венгерскаго Короля Андрея II, имѣлъ дѣтей: Коломана, Елену, которая вышла за Ф. Ласкара, Никейскаго Императора, и еще одну дочь и сына, который, по Византіянамъ, исчезаетъ въ 1237 г. Отъ второй жены Ирмы, дочери Федора Ангела — сына Михаила Іоанновича и дочери Марію и Анну.

Михаилъ Ивановичъ Асѣвъ, рожденный отъ Ирины, Стремление Ватаци обратить Болгарію въ область Византійской Имперіи, хотя и было остановлено нѣсколько лѣтъ тому, сперва Іоанномъ Асѣвомъ, потомъ нашествіемъ Монголовъ, явно выразилось теперь при малолѣтнемъ Михаилѣ. Предмѣстья укрѣпленнаго Сереса были заняты Греческими войсками, а вскорѣ и самая крѣпость передалась подкупомъ Воеводы Драгота (*Δραχότας*). Затѣмъ не замедлилъ присоединиться къ Ватаци и Меленикъ, подъ предлогомъ, что онъ скорѣе желалъ быть подъ управленіемъ Θ. Ласкара, зятя Іоанна Асѣва, за которымъ была дочь послѣдняго, Елена, нежели подъ управленіемъ Терновскихъ Бояръ, употреблявшихъ во зло власть свою по случаю малолѣтства Михаила. Примѣру этихъ городовъ не замедлили послѣдовать Станимакъ и Чепино (нынѣ Чирпанъ), угоръ Родопскихъ; также значительные города Македоніи: Стумпійумъ (Истипъ) на р. Брянистѣ, Котобъ (нынѣ Кюприли) на р. Вардарѣ, Ископъ и Прилѣпъ. Видя, съ какимъ успѣхомъ дѣйствуетъ Греческое оружіе въ предѣлахъ Болгарскаго Государства; видя, какъ почти безъ всякаго сопротивленія одни послѣ другихъ отпадаютъ города подъ власть Грековъ, — Терновцы рѣшились наконецъ выслать войско во Фракію и Македонію. Тогда Ватаци поспѣшилъ вступить въ переговоры, и показавъ, какъ необходимо было ему, утвердившись во Фракіи, вѣрнѣе дѣйствовать противъ общаго врага, Латиновъ Константинополя, — успѣлъ удержать за собою занятія безъ кровопролитія города и положить границу между Болгаріей и Имперіей рѣку Марицу (1246). Отсюда Ватаци

обратился къ Солунн, гдѣ управлялъ Деспотъ Димитрій, зять Иоанна Асѣня (30), и овладѣвъ городомъ, только по усиленной просьбѣ сестры его Ирины, вдовствующей Царьцы Болгарской, былъ пощаженъ и отправленъ въ Малую Азію. Сама Ирина вынуждена была найти себѣ убѣжище въ Терновѣ у своего сына Михаила Иоанновича.

Въ продолженіе слѣдующихъ девяти лѣтъ Болгарія наслаждалась спокойствіемъ, и только безпрепятствныя побужденія Ирины отмстить Ватаци смерть ея брата Димитрія и возвратить ей Солунскій Удѣлъ, принудили Михаила рѣшиться на новую войну съ Греками. Но слабому Михаилу не по плечу было бороться съ даровитымъ и мужественнымъ Ватаци (31). Онъ искалъ себѣ союзника и никто не могъ

(30) Сынъ Ѳ. Ангела.

(31) Мы будемъ въ другой разъ имѣть случай болѣе распространиться о личности Иоанна Дуки Ватаци, и вообще о родѣ Воеводъ (dux. *δῆμας*) Ватаци, переселившихся изъ Болгаріи въ Димотику, и давшихъ Никейской Имперіи двухъ Царей. Занимательна и въ высшей степени интересна та часть Византійской Исторіи, гдѣ представителями Имперіи являлись Славяне. Кромѣ трехъ династій, одной Сербской — при Густавѣ, другихъ двухъ Болгарскихъ — при Василіи Македонскомъ и Ватаци, — множество Славянъ по гражданской частѣ, и еще болѣе по военной, занимали разновременно высшія должности въ Имперіи. И не смотря на искаженное правописаніе нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, не смотря на огреченіе другихъ, — читая Греческія Лѣтописи нельзя не замѣтить часто-Славянскій характеръ этихъ людей, безкорыстіе и самоотверженіе, съ какими они служили Имперіи. Мы имѣли уже случай выразиться, что В. Р. Имперіи безпрепятственно открывала путь къ своей гражданственности каждому народу, «сосѣду-варвару», — какъ выражались въ

болѣе оправдать его надеждъ, какъ именитый Князь Мачвы, Ростиславъ Михайловичъ.

Трудно узнать, въ которомъ году совершился бракъ Михаила Іоанновича съ дочерью Ростислава. Лѣтописи не представляютъ намъ по этому случаю никакихъ данныхъ. Самъ Ростиславъ, какъ зять Михаила, является въ Болгаріи въ 1258 году подъ искаженнымъ именемъ *Ρώσος Ἰεροσ* (Asgorolita, ap-pales, с. 62); однакожъ нѣтъ сомнѣнія, что до этого еще времени Михаилъ былъ, если не обвѣчанъ, то по крайней мѣрѣ обрученъ съ дочерью Ростислава (32).

Властителямъ; что каждый, полагаясь на свои личные достоинства, могъ легко составить партію и достигнуть высшихъ почестей въ Государствѣ. Скажемъ болѣе: только для непосвященныхъ, только для тѣхъ, которые думаютъ видѣть въ В. Р. И. одну Греческую народность, останется до тѣхъ поръ непонятною ея Исторія, пока не разъяснится минувшая судьба народовъ, входившихъ въ ея составъ, преимущественно народовъ Славянскаго племени.

- (32) Палацій, въ статьѣ: *О Русскомъ Князѣ Ростиславѣ*, отвергаетъ возможность этого родственнаго союза. «Не лзя думать — говоритъ онъ — «чтобы Ростиславъ, женившійся только въ 1243 г., могъ уже около 1258. (?) выдать дочь свою за Михаила Асѣня, и чтобы сынъ его (т. е. Ростислава) Михаилъ, ввѣлъ себя тоже въ 1258 г. въ супруги сестру упомянутого Михаила Асѣня: ибо очевидно, что это ошибочное имя, *Rozos Ugos*, должно относить къ тогдашнему Сербскому Королю Степану Урошу». На первое мы отвѣтимъ, что по счету Палаціаго дечери Ростислава было уже 15 лѣтъ, слѣд. года не могли быть препятствіемъ бракосочетанію. Есть много примѣровъ, что политическіе браки совершались въ самомъ нѣжномъ возрастѣ сочетавшихся; наприм. Еленѣ, дечери Іоанна II Асѣня, было не болѣе 10 лѣтъ, когда она вышла за Ф. Ласкара — *σεφευρητοβουλη*

Въ промежуткѣ этого времени т. е. до 1255 г. Верховный Совѣтъ Терновскихъ Болгаръ тайно приготовлялъ волненіе въ отнятыхъ I. Ватаци у Болгаръ городахъ Фракіи и Македоніи, заключавшихъ население исключительно Болгарское. Въ этомъ году умеръ Ватаци. Сынъ его Феодоръ Ласкаръ не долго заставилъ себя ждать и посвѣшилъ въ Европу удержать завоеванія своего отца. Предоставимъ Акрополитѣ, какъ очевидцу, рассказать первый походъ Ласкара противъ Болгаръ. Подстрочный переводъ этого мѣста изъ его хроникъ дастъ понятіе о способѣ писанія Византійцевъ и покажетъ, до какой степени они искажали не только мѣстныя Славянскія названія, но даже не старались замѣтить собственные имена начальниковъ непріятельскаго войска.

Ἐλάτῃ τῇ τῆς Ἀσπὸς θυνικῆς ἐπιστολῆς ἑσθ. . . . Gregorae Hist. Вук. II. 3. О Михаилѣ Ростиславичѣ или Мичѣ поговоримъ въ своемъ мѣстѣ. Касательно же догадки Филиппова, что Новос Угоа Акрополита былъ Стефанъ Урешъ, Краинъ Сербскій, мы указаемъ на самого Великаго Логовета Имперіи, которому, болѣе нежели кому-либо, были известны дѣла и политическія отношенія сосѣднихъ Государствъ. При томъ Акрополита болѣе многихъ Историковъ достояніи, вѣроятно, находилъ лично при Императорѣ въ его походахъ, и будучи часто свидѣтелемъ того, о чемъ повѣствуютъ. Хроника Акрополита не велика въ объемъ; въ ней заключаются событія 48—60 годовъ не болѣе (съ 1203—1261), а между тѣмъ съ какою подробностію все разсказано, съ какою отчетливостію выставлены движенія Греческихъ и Болгарскихъ войскъ по Фракіи и Македоніи. Удержки оны только правильное названіе мѣсть, нѣтъ уже поименованныхъ, привели оны въ известность хотя нѣкоторыхъ изъ государственныхъ мужей Болгаріи и Сербіи, — и Лѣтопись его была бы для насъ драгоценнѣйшимъ памятникомъ того времени.

Астор. Апп. с. 54. (1256). «Причина, по которой **Θ. Ласкаръ** оставилъ **Никею**, была слѣдующая: **Михаилъ**, Царь **Болгарскій**, шуринъ **Императора**, рожденный отъ **тестя Ласкара Иоанна II Асѣня** и **дочери Θεодора Ангела, Ирины**,—узнавъ, что **Иоаннъ умеръ (33)**, и **видя Западные страны** упраздненными отъ **Римскихъ войскъ**, воспользовался случаемъ присоединить ихъ опять къ **Болгаріи**. Города эти были отняты у **Болгаръ Иоанномъ Витаци**, почему онъ (**Михаилъ**), не теряя времени, спустился съ **горъ Гема**, перешелъ **Евръ (Марицу)**, и, въ короткое время, безъ большаго труда занялъ много городовъ и мѣстъ. **Болгарское населеніе** этихъ странъ съ радостію переходило къ своимъ землякамъ, свергая чужеземное иго. **Римскіе гарнизоны** не были въ состояніи отстоять занимаемыя ими укрѣпленія. Однихъ страхъ заставлялъ сдаваться, другіе, при нечаянномъ нападении непріятеля, и не имѣя надежды на помощь, разбѣгались, оставляя свои жилища. Многие изъ этихъ городовъ не были укрѣплены, даже не имѣли оружія. Въ короткое время были покорены **Стенимакъ**, **Прищипа (34)**, **Чепино (35)**, **Кричимъ**, кромѣ **Мняка**, который одинъ оставался еще во власти **Римлянъ**; но **Устра (36)**, **Перперакій** и **Кривый**, а также близъ **Дрянополя** лежащій городъ **Ефремъ**, перешли къ **Болгарамъ**. Когда **Императоръ** узналъ о походе

(33) Т. е. **Иоаннъ Витаци**.

(34) **Нынѣ Престово**.

(35) **Нынѣ Чирпанъ**.

(36) *Овстра* — **Острово**, на озерѣ того же имени. Срв. **Острова**, городъ въ **Далмаціи**, в *Острво*, село у города **Ложницы**, на **Дринѣ**.

ныхъ Римлянами потеряхъ на Западѣ, и предвидя еще большее зло въ будущемъ, тогда приближенные Государя сильно были потрясены этою вѣстію. Зная при томъ, что Западныя провинціи большею частію населены Болгарами, и не смотря на то, что были покорены Царемъ Іоанномъ (Ватаца), но покореніе не было утверждено вполне, и что они всегда питали сильную вражду къ Римлянамъ» (37).

(1256) «Поспѣшно перейдя Геллеспонтъ, Ласкаръ достигъ Адрианополя, и употребивъ здѣсь на розыдыхъ только одинъ день, снова пустился въ дорогу. Одинъ изъ Болгарскихъ согладатаевъ, видя, что Царь оставилъ Адрианополь, поспѣшилъ къ своимъ (они же стояли лагеремъ около Марицы) — и извѣстилъ ихъ объ этомъ, сказавъ при томъ, что непріятель скоро сдѣлаетъ нападеніе. Клятвой утверждалъ онъ при этомъ, что самъ видѣлъ Ласкара, когда тотъ проѣзжалъ мостъ, построенный близъ города на р. Марицѣ. Извѣстіе это привело Болгаръ въ смятеніе: они не рѣшались оставить занятую ими позицію, доколѣ не удостовѣрятся въ полученной вѣсти и не обдумаютъ хорошо, на что должно имъ рѣшиться.

«Съ другой стороны и Императоръ узналъ, гдѣ и въ какомъ положеніи находится войско Болгаръ. Посему онъ поспѣшилъ выступить, понуждая коней, и ничего не желалъ болѣе, какъ только бы скорѣе встрѣтиться съ непріателемъ. Но лишь только пустился онъ въ дорогу, случилось такъ, что онъ не могъ найти непріятеля: потому что тѣ, ко-

(37) Асгор. с. 54.

которые предшествовали Римскому войску (здесь Лѣтописецъ подразумѣваетъ шедшихъ на рекогносцировку), наткнулись на сторожевыхъ изъ Болгарскаго аріергарда, и однихъ изъ нихъ убили, другихъ взяли въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и ихъ начальникъ. Остальные, убѣжавъ, среди темной ночи достигли главнаго войска, и рассказавъ о случившемся, увѣряли, что самъ Царь скоро и ихъ достигнетъ. Тогда всѣ Болгаре, не теряя времени, даже и самъ ихъ воевода, садятся на коней и быстро удаляются во внутрь страны.

«При этомъ поспѣшномъ отступленіи, многіе изувѣчили свои лица вѣтвями, густо сплетенными въ этомъ мѣстѣ. Отъ этого самаго пострадалъ и ихъ предводитель. Многіе не успѣли даже осѣдлатъ своихъ коней и только бѣгствомъ избавились острія Римскаго меча. На разсвѣтѣ, когда самъ Царь явился на это мѣсто, сторчился онъ, увидя его упраздненнымъ отъ Болгарскаго войска; но что же было дѣлать? Посовѣтовавшись, онъ обратился къ Вереѣ, и какъ только явился туда, то одного его приказанія было достаточно, чтобы городъ былъ занятъ: потому что всѣ стѣны были въ развалинахъ и отовсюду можно было входить. Мѣсто это было такъ же разорено Болгарами, какъ и другіе Римскіе города, не смотря на то, что обитатели страны старались оградить свои жилища большими бревнами. Здесь и кони и воины нашли обильный запасъ сѣстнаго. Вскорѣ Царь былъ въ состояніи войти во внутрь страны до самаго Гема и занять безъ сопротивленія находившіяся въ горахъ города (потому что онъ навелъ на Болгаръ большой страхъ), — если бы не

воспрепятствовала тому вдругъ наставшая сильная стужа и глубокой снѣгъ, такъ что его совѣтникамъ казалось лучше не оставаться и не задерживать долѣе Римское войско въ чужой и непріятельской сторонѣ. И такъ, прождавъ еще 6 дней, Царь, имѣя другое намѣреніе, сдѣлалъ свои распоряженія въ Вереѣ; затѣмъ приказалъ гнать къ Адрианополю все, что могло двигаться, т. е. мужей, женъ, дѣтей, овецъ, воловъ и проч.» (38).

(1257)— «Здѣсь, собравъ лучшее войско, повелъ его къ городамъ, около Охридъ лежащимъ, бывшимъ предъ тѣмъ во власти Болгаръ; а теперь они достались опять Римлянамъ. Такимъ образомъ Римскіе военачальники пришли въ эту сторону, и войскомъ и другими орудіями легко заняли укрѣпленные мѣста. Болгаре же спѣшили оставить ихъ, видя сильное войско непріятеля. Въ короткое время оно заняло много мѣстъ. Самъ же Царь, во главѣ отборнаго отряда, пошелъ на города, лежащіе въ Родопскихъ горахъ, занялъ тамъ Прищациу, Стенимакъ, а за ними Кричимъ. Города эти были расположены на передовой отлогости Родона, и служили защитой лежащимъ за ними въ горахъ. Затѣмъ, среди самой зимы, пустился онъ въ Чепино, но непроходимыя мѣста и сильная стужа заставили его остаться здѣсь. Когда наступила весна, онъ послалъ приказъ Стратигопуло Алексію и Торнику Константину — (последняго Царь Іоаннъ возвелъ въ достоинство великаго Примикира), — находившимся, со своими отрядами въ Серахъ, поспѣшить со

(38) Асгор. с. 36.

всѣмъ войскомъ въ Чепино, — что они и исполнили. Но здѣсь-то они и показали себя дурными военачальниками: потому что ни войско, ни его предводители не оказались достойными. Лишь только слышали звукъ трубъ и литавръ, — безчинно обратились въ бѣгство, оставивъ всѣ военные снаряды и даже коней Болгарскимъ пастухамъ и свинопасамъ, а сами поспѣшили укрыться въ Серъ безъ коней и безъ оружія. Тогда Царь сильно разгнѣвался и приказалъ имъ явиться къ назначенному мѣсту въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся, но они не могли этого сдѣлать» (39).

(1257). — «Послѣ этого случилось еще нѣчто худшее, нанесшее большой вредъ Римлянамъ. Бывшій начальникъ Меленикскаго гарнизона, именемъ Драготъ (*Δραγώτας*), который, какъ Болгаринъ, питалъ къ Римлянамъ великую злобу, болѣе отъ того, что ненавидѣлъ Царя (потому что надѣялся получить отъ него много добра, не ставя ни во что полученные уже имъ дары отъ Царя Іоанна, которые сами по себѣ были уже значительны), — рѣшился на явное возмущеніе. Собралъ воиновъ и множество другаго народа изъ окружныхъ селеній, осадилъ крѣпость Меленикъ и старался взять ее. Въ этомъ городѣ начальниками гарнизона были Ѳеодоръ Нестонгъ и Іоаннъ Ангелъ, оба искусные охранять городъ и отбивать нападеніе противниковъ, Жители же города ничѣмъ другимъ не стѣснялись (имѣли довольно все имъ нужное), — кромѣ воды въ лѣтнее время. Самая потребная изъ всѣхъ вещей и са-

(39) Асгр. с. 57.

мая невыносимая, когда ее иѣтъ. Осажденные же (потому что они не совѣмъ были лишены воды) твердо стояли противъ непріятеля, бросая въ него камни, защищаясь стрѣлами и всякимъ другимъ оружіемъ. Когда Царь услышалъ объ этомъ, не могъ болѣе стерпѣть, и посовѣтовавшись большимъ совѣтомъ, собралъ поспѣшно всѣ свои полки и въ 12 дней достигъ Серъ; онъ не только прошелъ въ етоль короткое время такое пространство, но привелъ туда войско, хорошо вооруженное, коней хорошо навьюченныхъ, и все вообще въ военномъ дѣлѣ нужное было приготовлено и устроено. Прибывъ въ Серъ, онъ остановился на ночлегъ, и какъ только разсвѣло, собралъ войско и отправилъ впередъ луконосцевъ (*τοξοφόρους*) и пѣхоту. Около Ропели мѣста непроходимы, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ течетъ Струмница, заключенная между двумя горами, такъ что едва одна возница пройти можетъ, и самая рѣка дѣлала дорогу непроходимую (подобныя мѣста народъ называетъ *скличены* — клисуры), — и эти-то мѣста были охраняемы Болгарскимъ войскомъ, состоящимъ изъ немногихъ всадниковъ и изъ большаго числа пѣхоты (потому что Болгаре устроили тамъ ворота, подперевъ ихъ бревнами и затворами, такъ что, трудность мѣстоположенія съ одной стороны и искусственное укрѣпленіе съ другой, могли препятствовать нападенію Римлянъ). Царь, узнавши объ этомъ, чтобы удостовѣриться, самъ поспѣшилъ къ этому мѣсту. Тогда, отдѣливъ отрядъ пѣхоты, приказалъ ему взойти на гору, откуда легче было наносить удары находящимся внизу Болгарамъ, — что и было исполнено.

Гора была покрыта густымъ лѣсомъ и пѣхота прошла незамѣтно. Коннымъ повелѣно было дѣлать между тѣмъ нападеніе на укрѣпленный проходъ. Болгаре, видя, что непріятель съ одной стороны сильно ихъ тѣснить, а съ другой, именно съ горы, безпрерывно мешетъ въ нихъ стрѣлами, — обратились въ бѣгство; царское же войско, погнавшись за ними, многихъ предало смерти. Успѣвшіе спастись, достигнувъ Болгарскаго войска, рассказали все о дѣйствіяхъ Царя, и все, что они претерпѣли. Встревоженные этой неожиданной вѣстію, всякій спѣшилъ сѣсть на коня и носѣбно удалиться. Ночь была темна и безлунна, мѣсто дебристое и непроходимое; многіе изъ бѣгущихъ падали съ коней, другіе стаптывали ихъ, иные стремглавъ срывались въ пропасть, кончая въ мученіяхъ жизнь свою, такъ что весьма не многіе успѣли невредимыми войти въ Болгарскія страны. Да и самъ предводитель ихъ Драготъ, истоптанный лошадьми, чрезъ три дни умеръ. Такимъ образомъ Царь овладѣлъ въ эту ночь городомъ, милостиво разговаривалъ съ бывшими на стражѣ; они же, съ честью принявъ самодержца, громко его хвалили, пѣнями прославили и быстрымъ орломъ наименовали» (40).

(1257) — «Такимъ образомъ Царь приказалъ также выслать изъ города женъ и дѣтей тѣхъ, которые участвовали въ возмущеніи, а имущество ихъ роздать воинамъ. Послѣ чего, выступивъ изъ Меленика, онъ достигъ Солуни и переправившись чрезъ

(40) Асгар. с. 59.

Вардаръ, пришелъ въ Водяну, гдѣ сталъ лагеремъ, потому что въ его войскѣ открылась болѣзнь. Это обстоятельство заставило его переждать здѣсь, пока войны не облегчились, и отсюда пошелъ на Прилѣпъ. Здѣсь, занявшись приготовленіемъ разныхъ орудій, устроеніемъ возовъ, выступилъ къ Велѣсу, чтобы осадить и отнять его изъ рукъ непріятеля.

«Осажденные, узнавъ объ этомъ, рѣшились не допустить Царя до принятыхъ противъ нихъ мѣръ, вошли въ переговоры, и обѣщали сдать городъ, если Царь позволить имъ выйти съ оружіемъ и пожитками. Требовали клятвы, и когда Царь далъ ее, они вышли. Увидѣвъ ихъ въ столь большомъ количествѣ (почти до 500), и что всѣ были высокаго роста и красивой наружности, Царь раскаялся въ данномъ позволеніи оставить такихъ молодцевъ присоединиться къ своимъ и стать врагами Римлянъ. Но, давши клятву, онъ оставилъ ихъ свободно пройти. Отсюда поднявшись всѣмъ войскомъ, оцъ пустился въ путь чрезъ Невстополе. Край здѣсь безводенъ и не населенъ, и съ трудомъ могло проходить многочисленное войско. Нѣсколько дней войны не имѣли хлѣба, а большая часть коней два дни оставались не поены. Достигнувъ Струмницы и пройдя земли, прилежащія къ Меленику, прибыли наконецъ въ Серъ. Здѣсь Императоръ получилъ письма изъ Восточныхъ своихъ областей, присланныя любезнымъ его domestикомъ Музаломомъ, изъ которыхъ онъ узналъ, что Тахары нападаютъ на Му-сульманъ. Тогда Царь сталъ подвигаться быстрѣе, и когда достигъ рѣки Евръ, которую простой на-

родъ именуется и Марицей, узнавъ, что положеніе дѣль на Востокѣ не было таковымъ, какимъ ему представили, посему и не сдѣшавъ, и по царскимъ обычаямъ, остановился на роздыхъ; потомъ изъ Димотики онъ отправился въ Адрианополи. Города и укрѣпленныя мѣста, которыя находились во власти Болгаръ, все были отняты, только двѣ крѣпости оставались еще въ ихъ рукахъ: одна, небольшая, находившаяся въ Охридскихъ горахъ и называвшаяся Патемъ, которая бы легко могла быть взята человеколюбивымъ Алексіемъ Дукой въ то время, когда Царь дозволилъ ему ратовать въ окрестностяхъ Охрида; другая же крѣпость называлась Чепино и была сильно укрѣплена промежъ отлогостей двухъ великихъ горъ — Старой-Планины (Гема) и Родопа, между которыми течетъ рѣка Евръ. Императору стало досадно, что онъ не занялъ эти города, какъ и другіе; болѣе всего досадовалъ онъ, что не овладѣлъ Чепиной: посему онъ поспѣшилъ выслать войско противъ послѣдней. Время жатвы прошло и осень была также на исходѣ. Но онъ не думалъ о времени, самое приближеніе зимы не устрашало его (объ одномъ только и думалъ онъ — какъ бы исполнить свою волю). Выступивъ изъ Адрианополя со всѣмъ войскомъ, приказалъ собирать по всей Македонской странѣ возы, — назначая одни изъ нихъ для разной клади и оружія, а другіе — для съѣстныхъ припасовъ. Осмотрѣвъ собравшихся пѣшихъ стрѣльцовъ и копьеносцевъ, и видя ихъ хорошо вооруженными, приказалъ двинуться изъ Адрианополя къ Чепино. Четырьмя корпусами отправилось войско въ дорогу. Достигнувъ мѣста, которое называется

Дльгополе (41) (имя это дано мѣсту отъ его положенія), настала сильная зима. Съ вечера, всю ночь, съ увеличивавшимся вѣтромъ, увеличивался и холодъ, покрывъ землю глубокимъ снѣгомъ, что привело Царя въ большое затрудненіе. Мѣсто не было заселено, непріятель былъ близокъ, а отсутствіе всякихъ необходимостей тревожило ихъ души. Войско было въ затруднительномъ положеніи. Въ этихъ обстоятельствахъ, Царь собралъ всѣхъ войсковыхъ начальниковъ, не только начальствовавшихъ Римлянами, но и тѣхъ, которые были во главѣ составленныхъ имъ Латинскихъ и Скиескихъ отря-

(41) *Макролѣва*, — отуреченное въ Узунджа-Ова (اوزونجه اوو) —

длинное поле.

Ключемъ къ восстановленію древнихъ Славянскихъ названій городовъ, рѣкъ и пр. за Дунаемъ, искаженныхъ Византийскими правописаніемъ, во многихъ случаяхъ могутъ служить низшія Турецкія названія нѣкоторыхъ мѣстъ, подстрочно переведенныхъ съ древне-Славянскихъ. Напр. у Анны Алексіевны Комниной (I. 17. 14.), городъ *Велатоѳа* есть не иное что, какъ Бѣловодъ, переименованный Турками въ

Акь-Бунарь (آق بونار) т. е. бѣлый источникъ. У ней же

(I. VII. 3.) рѣка *Вичмава* — *Бичина*, теперь *Буюкъ-Камчыкъ*

(بيوكه فامچق), т. е. большой бичъ. На этой рѣкѣ находился и

городъ того же имени. Константинъ Бѣгрявородный, а быть можетъ и переписчики, не вѣрно писали *Дичина*, что было принято Венелинымъ и Шафарикомъ. Кроме того: городъ

Тича (отъ течъ, теку) по-Турецки *Чатакъ*, (چاتاق), что значтъ

соединеніе, слитіе, отъ гл. *чатмакъ* (چاتماق) соединяться,

сливаться. *Котель*, нымъ. Казань и др.

дощь и совѣтовался съ ними, что нужно дѣлать. Всѣ почти въ одинъ голосъ дали совѣтъ вернуться въ Адрианополь. Но Царь не одобрилъ этого совѣта. «Если и мнѣ, съ Божіей помощію, пришло кое-что на умъ, согласитесь ли вы на то, какъ умнымъ владѣтелемъ вамъ сказанное, которому вы обязаны повиноваться?» — Всѣ отвѣчали; «мы согласны на все, что для блага твоей Державы будетъ сдѣлано». Тогда Царь распустилъ всѣхъ по шатрамъ, чтобы приготовились и распорядились на зиму съѣстными припасами; возвратясь же къ себѣ, собралъ своихъ приближенныхъ, для совѣта и съ ними, что ему дѣлать. Одни говорили послѣдовать совѣту военачальниковъ; другіе же, — на мнѣніе которыхъ согласился и Царь, — говорили противное, сказавъ: «что сколько пути до Адрианополя назадъ, столько же и впередъ до Стенимака, и все то, что найдемъ мы въ Адрианополѣ, можемъ также обрѣсти и въ Стенимакѣ. Если мы пойдемъ впередъ, не только покажемъ непріятелю, что онъ не страшенъ, но докажемъ, что, не смотря на затруднительное положеніе, въ которое поставила насъ зима, мы не вернулись назадъ». Это понравилось Царю, а какъ и самая стужа начала смягчаться, и снѣгу стало падать меньше, то приказалъ готовиться къ походу. Оттуда пошелъ съ полками въ Стенимакъ, и, отдохнувъ не много, отправился къ Чепиню. По пути заняли городъ Баткунъ (42), гдѣ нашли большое количество съѣстныхъ запасовъ для войска. Отсюда послалъ онъ дядю

(42) *Ваткунюп*, нынѣ Папазая.

своего, Мануила Ласкара, который, будучи инокомъ, назывался Максимомъ, и также начальника Константина Маргарита, поручивъ имъ осмотрѣть мѣстность, чтобы легче было пройти войску. Отправившись, они осмотрѣли мѣста и дали знать Царю, что они удобопроходимы, какъ увѣрялъ Константинъ Маргаритъ; не смотря на то, что многіе, зная эти мѣста, говорили противное. Царь повѣрилъ его словамъ и выступилъ со всѣмъ войскомъ. Мѣсто оказалось не совсѣмъ легко для перехода. Гололедица, закрывшая и сгладившая путь, затрудняла полки. Лѣсъ былъ густъ и древесныя вѣтви сплетены. Всю ночь горѣли костры, согрѣвая воиновъ. Служители шатровъ не могли найти въ толпѣ господъ своихъ. Хотя никто не ропталъ, но у всѣхъ на глазахъ были слезы. При томъ же дымъ отъ разложенныхъ огней душилъ всѣхъ, и, по причинѣ сильно сгущенныхъ деревьевъ, не могъ находить свободнаго прохода на чистый воздухъ. Отъ дыму невольно у всѣхъ текли слезы; и самъ Царь страдалъ отъ этого. Когда минула ночь и наступилъ день, Царь далъ приказаніе войску выступить въ поле и осадить городъ. Оно выступило. Начальника же тѣлохранителей съ нѣсколькими молодыми воинами оставилъ при себѣ, послѣ чего и самъ сошелъ съ коня, и подобно другимъ отправился пѣшкомъ: потому что конному не было возможности сойти съ этой горы» (43).

(43) Асгор. с. 59.

Походъ этотъ, какъ мы видѣли, не былъ удаченъ Грекамъ. Ласкаръ не хотѣлъ однакожь оставить безъ вниманія городъ Южной Болгаріи, отъ Гема до Солуня, и не смотря на то, что присутствіе его было необходимо въ Малой Азій, онъ оставилъ значительную часть войска въ Димотикѣ, съ наказомъ не возвращать Болгаръ бесполезными вылазками до его возвращенія. Болгарское войско, расположенное въ это время на отлогостяхъ старой Планины, выжидало только благопріятнаго случая, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ Ласкаръ предъупредилъ ихъ намѣреніе.

1258. — Въ Мартѣ мѣсяцѣ Θ . Ласкаръ, снова переправившись чрезъ Геллеспонтъ, успѣшилъ занять Димотику. Михаилъ призвалъ на помощь четыре тысячи *Скивовъ*, которые, подступивъ къ Димотикѣ, разбили выступившій противъ нихъ городской гарнизонъ. Императоръ успѣшилъ своимъ на выручку, но было поздно, и *Скивы* успѣли укрыться въ Визу, а Греки расположились лагеремъ на рѣкѣ Регинѣ (Буюкъ-дерэ?), впадающей пониже Адрианополя въ Марицу (44).

(44) Астор. с 61.

Трудно было слабому Михаилу бороться съ Императоромъ, и онъ рѣшился просить мира. Для этого онъ употребилъ тестя своего Ростислава, какъ посредника для дипломатическихъ сношеній. Ростиславъ не замедлилъ поспѣшить изъ Бѣлграда въ Терново, а отсюда къ Θ . Ласкару. Явленіе этого посредника въ Греческомъ лагерѣ, предупреденное особеннымъ со стороны Михаила посольствомъ, произвело сильное впечатлѣніе. Великія почести были оказаны ему и его приближеннымъ, и миръ былъ заключенъ съ тѣмъ, чтобы Болгаре уступили Императору крѣпость Чепену. Ростиславъ же, богато одаренный, возвратился въ Терново (45).

Михаилъ не долго пользовался обоюднымъ согласіемъ, въ которомъ находился съ Ласкаромъ. Въ томъ же году онъ былъ убитъ на охотѣ въ окрест-

(45) Асгоро. с. 62.— Gregor. I. 3. с. 1.

По отъѣздѣ Ростислава, нѣкоторые изъ придворныхъ старались увѣрить Императора, что уѣхавшій посредникъ вовсе не тотъ, за котораго себя выдавалъ, но что это какой-то прощлецъ, который, надѣясь на обычные богатые дары, явился подъ предлогомъ заключенія мирнаго договора, и что Царь Болгарскій вовсе не думалъ о мирѣ. Черезъ нѣсколько дней Императоръ, окруженный придворными, между которыми находился и Историкъ Акрополита, какъ великій Логоееть, обратился къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ вопросомъ: что думаютъ они о прѣзвѣвшемъ послѣ? *Правда ли, что онъ поддѣлъ изъ?*— послѣднія слова обращались къ Акрополитѣ. Великій Логоееть отвѣтилъ, что только поддерживающіе это подозрѣніе обманываютъ Его Величество. Всмыслчивый Ласкаръ, приказываетъ ему сойти съ коня, и, по его знаку, два воина наказали палками слишкомъ смѣлый отвѣтъ Акрополиты. Онъ самъ рассказываетъ этотъ случай.

ностяхъ Тернова двоюроднымъ братомъ своимъ Коломаномъ, сыномъ Александра Іоанновича Асѣня (46).

Чтобы удержать за собою власть, убійца хотѣлъ принудить вдову Михаила сочетаться съ нимъ бракомъ; но вѣсть о преступленіи достигла Бѣлграда, откуда Ростиславъ поспѣшилъ съ отрядомъ войска на выручку своей дочери. Разбитый Коломанъ искалъ спасеніе въ бѣгствѣ, но не успѣлъ укрыться отъ преслѣдованія. Приверженцы его, и такъ слабые, частію разсѣялись, частію принесли повинную Ростиславу. Такъ какъ Михаилъ не оставилъ дѣтей, то Царемъ былъ провозглашенъ Мича (Михаилъ), женатый на сестрѣ Михаила Іоанновича, и имѣвшій большія помѣстья въ части Фракіи, принадлежавшей къ Балканамъ (47). Съ другой стороны, пребываніе Ростислава въ Терновѣ не могло длиться долгое время по той причинѣ, что Бела IV звалъ его по случаю разрыва Венгріи съ Чехіей. Взявъ съ собою дочь свою, Ростиславъ отправился въ Вѣну (1261), гдѣ ему съ Стефаномъ III Урошемъ и съ двумя сыновьями послѣдняго, Драгутиномъ и Милутиномъ, назначено было заключить миръ между Премыславомъ-Оттокаръ II и Болою IV (48).

(46) Александръ Іоанновичъ, второй сынъ Іоанна II Асѣня, былъ Севестраторомъ. Это достоинство равнялось достоинству Великаго Князя.

(47) Асгор. с. 73.— Gregor. 1. 3. с. 2.— Pashut. 1. 5. с. 5.

(48) Западныя Исторіи: *Pulkava* называетъ Ростислава *Dux Bulgarorum*, современный ему *Continuator Cosmas* — Hostielai

Непроницаемая тайна окружает личность Мича, возведеннаго на Болгарскій престолъ по предстательству Ростислава. Догадка Феслера (49), принятая Энгелемъ (50) и оподозрѣнная Палацкимъ (51), быть можетъ, и заключаетъ въ себѣ истину непреложную, если прослѣдить и свести извѣстія о Мичѣ и Ростиславѣ. Откуда объяснить преданность послѣдняго и желаніе его воцарить Мичу въ Болгаріи? Не станемъ прерывать фактовъ и послѣдуемъ за ними; не смотря на ихъ скудость, быть можетъ, они наведутъ насъ на ясную точку.

Мича — говорятъ Византійскіе Историки (52) — какъ только вступилъ на престолъ, возбудилъ уже неудовольстіе своимъ изнѣженнымъ, женственнымъ

ducis Bulgarorum, Marignolius — *Ducem Bulgarorum*. Придавали же Ростиславу этотъ эпитетъ по тому, что, какъ говорить Палацкій, онъ былъ вѣроисповѣданія Греческаго, которое, какъ извѣстно, называлось въ Чехіи Болгарскимъ (анахронизмъ). Ростислава называли *Dux Bulgarorum* въ смыслѣ Воеводы Болгарскаго войска, которое онъ вывелъ изъ Болгаріи на помощь тестю своему Королю Венгерскому.

Изъ письма Премыслава, Оттокара II (1260) къ Папѣ Урбану IV, видно, что, во время Угро-Чешской войны, въ войскѣ Бѣлы IV находились: Греки, Болгаре, Руссы и Босняцкіе еретики (вѣроятно извѣстные въ это время *Катары, Патарены*, порожденные сектой Богомилловъ, бывшихъ въ свою очередь порожденными древнею сектою Павликіанъ). Эти-то Болгаре и Босняки были подъ начальствомъ Ростислава. Кого же Оттокаръ называетъ Греками — мы не извѣстно.

(49) *Geschichte der Ungarn*. Ч. II, стр. 599.

(50) *Allgemeine Welt-historie* LXIX. pag. 420.

(51) О Русс. Князѣ Ростиславѣ и родѣ его. (въ Чтеніяхъ Имп. Московскаго Общ. Ист. и Древностей Росс. № 3. 1836).

(52) Грегора, I. 3. c. 2. — Пахимеръ. I. 5. c. 5.

характеромъ (*αὐτὸ ὑβριστὸς καὶ ἀνανδρὸς*). Самѣе названіе *Мица*, *Μιτσῆς*, уменьшительное *Михила*, подобно какъ и *Иованница*, *Душица* (*Душанъ*), *Николица*, *Петчо* (*Петръ*), *Мирчо* (*Дмитрій*) — и мн. др., показываетъ, что *Мица* былъ известенъ подъ этимъ именемъ еще до своего изгнанія. Одно присутствие *Растислава* въ *Терновѣ* могло устранить всякое волненіе противъ его избранника. Но какъ только *Князь Мачвъ* удался, соучастуемый *Бодгарскими* войскомъ, назначеннымъ подкрѣпить *Угросное* юнлченіе, — какъ неудовольствія противъ *Мици* обратились въ явный мятежъ. Принявъ въ соображеніе самый характеръ *Мици*, какимъ передаютъ намъ *Греческіе Историки*, современные самому событію, къ тому же обезсиленный выводомъ изъ *Болгаріи* войска, надобно было ожидать, что паденіе его не замедлитъ. Недовольнымъ нуженъ былъ только предводитель, — и онъ явился. Нѣкто *Константиць Тихъ* (53), *Техъ*, *Тохусъ* (54), родомъ *Сербъ*, человекъ предприимчивый, храбрый, но хитрый и пронырливый, обратилъ на себя вниманіе партіи недовольныхъ *Бояръ* и избранный ими, принудилъ слабого *Мицу* оставить *Терновъ* и удалиться на жительство съ женою и дѣтьми въ городъ *Меземврию*.

(53) Мы придерживаемся правописанія *Греческаго*. *Грегора*, *Акрополита* пишутъ: *Тохусъ*. *Никита Хонскій* и *Климакъ* искажали *Сербскаго*. *Тихомилъ* въ *Асѣ*, *Тѣша*. *Энгель*, въ *Geschichte von Serbien*, на 198 стр. замѣчаетъ въ видѣноскъ, что *Desses* стоитъ мѣсто *Угеса*, въ чемъ весьма ошибается.

(54) Не *Тѣша*-ли, *Тихомилъ*? Ср. *Прим.* 53.

Одни личные достоинства Тиха не могли упрочить за нимъ Болгарскую корону, которой онъ домогался. Онъ зналъ это и первымъ его дѣйствіемъ было породниться съ Греческимъ Императорскимъ домомъ, чтобы этимъ уравнивать свои права съ правами Мичи. Тихъ сталъ просить у **Θ. Ласкара** руку старшей его дочери, Ирины, бывшей внучкой **Юанна II Асѣня**. Но тутъ надлежало еще устроить другое препятствіе: Тихъ былъ женатъ, но и это не остановило его намѣренія. Онъ легко устроилъ разводъ, въ доказательство чего выслалъ первую жену къ Императору въ Никею, и этимъ способомъ получилъ согласіе послѣдняго на бракъ съ его дочерью.

Мича между тѣмъ (1261—1264) (55) тайно оставляетъ Меземврію, и надѣясь на помощь Венгріи, скрывается, до удобнаго случая, въ окрестныхъ горахъ Тернова (56). Около этого времени (1262—1263), Угорское войско, подъ начальствомъ Королевича Стефана, сына Белы IV, дѣйствительно было въ

(55) Пахимеръ I. 3. с. 18, 25. L. 5. с. 5. — Грегора I. 4. с. 6.

(56) Палацкій (въ Русс. Князь Ростиславъ и его родъ) — говоритъ, что: «Михаилъ, кажется, былъ старшимъ сыномъ Ростислава, потому что упоминается уже въ 1262 г., какъ *самостоятельный Государь* (хотя не извѣстно, въ которомъ краѣ), — въ мирномъ договорѣ молодого Угорскаго Короля Стефана съ отцемъ своимъ Белой IV. 5 Декабря, 1261 г.». Въ этомъ договорѣ Стефанъ объявляетъ слѣдующее: *Quod si in subsidium Michaelis ducis, carissimi fratris nostri exercitum aliquem mittere nos contingat, non mittemus, nec ipsum exercitum procedere patiemur per terram charissimi fratris nostri. Katona, 1. c. pag. 368—370.*

Болгаріи и преимущественно осаждало Терново. Существуют двѣ грамоты, одна 1268 г., которая говоритъ о походѣ Стефана въ Грецію, другая 1269 г., въ силу которой Стефанъ даетъ дворянское достоинство роду Гоцони, показавшему въ глазахъ самаго Королевича чудеса храбрости въ странѣ Болгарской, достигнувъ со своимъ отрядомъ до *Castrum Turnow*, и опустошивъ землю этихъ враговъ и схизматиковъ (57).

Сравнивъ теперь эти извѣстія съ сказаніями Византійцевъ, найдемъ, что Михаилъ Ростиславичъ и Мича есть никто иной, какъ *charissimus frater noster* Королевича Стефана, слѣд. одно и то же лице. Когда же въ 1264 г. Стефанъ былъ вызванъ отцемъ въ Венгрію, Мича, лишенный его помощи, не могъ болѣе поддержать свои притязанія на Болгарію противъ Константина Тиха. Послѣдній вытѣснилъ его снова изъ окрестностей Тернова и привудилъ удалиться опять въ Меземврію. Тогда Мича обратился къ Михаилу Палеологу за помощію, обѣщая Меземврію и Анхіалъ, если онъ поможетъ ему взойти на Терновскій престолъ (1265). Палеологъ согласился, но не исполнилъ обѣщанія: потому что посланный имъ съ войскомъ Куроцалатъ Главасъ, родомъ Болгаринъ, находившійся въ службѣ Имперіи, занялъ отъ имени Императора Меземврію, а самаго Мичу съ семействомъ препроводилъ въ Константинополь, гдѣ онъ былъ принятъ съ великою почестію.

(57) См. Грамоты Стефана въ *Heraldic. Reg. Hung. Specimen. Palma. Vindobon. 1766, p. 86.*

Одинаково рассказываютъ этотъ случай Греческаго и Пахимеръ; замѣтно однакожь, что въ ихъ разсказѣ скрывается кинкая-то тайна, хотя они и не говорятъ именно, что Императоръ обманулъ Мичу. Въ замѣнъ Месемврии и Анхиаля, Императоръ далъ ему довольно большія земли по рѣкѣ Скамандру близъ древней Трояды, гдѣ онъ провелъ, какъ говорятъ, остатокъ дней своихъ въ спокойствіи, забывъ въ пріятностяхъ семейной жизни частнаго человека свои прежніе честолюбивые замыслы (58). Въ по-

и

(58) Это рассказываютъ Греч. Историки. Палацци, въ упомянутомъ уже въ разѣ статьѣ, говоритъ: «что Князь Михаилъ Ростиславичъ, старшій братъ Королевы Кунгугу, жидъ еще въ 1268, это извѣстно изъ нѣсколькихъ писемъ ея, въ конкъ она ходатайствовала за него у Короля Стефана и Королевы Угорскихъ Маріи и Елисаветы, т. е. чтобъ они не предвѣдали его, навлекшаго на себя ихъ поддѣрваніе, не радиа приняли бы къ себѣ ласково, потому что онъ больша всѣхъ желаетъ остаться имъ вѣрнымъ. (См. эти письма въ изслѣдованіи Палацкаго: *Über die Formelbücher*). Но даже въ извѣстія о немъ прекращаются». — Мы знаемъ, что Мича отдалъ Палеологу, Месемарию и Анхиаля, съ условіемъ, помочь ему отнять Терново. Знаемъ также, что Императоръ обманулъ его, и въ замѣнъ этихъ городовъ заставилъ его поселиться въ Малой Азій. Если приближны Палацкии письма достовѣрны, то нѣтъ ничего легче, какъ согласить это обстоятельство съ самимъ дѣломъ. Мича, получивъ уже однажды помощь Венгровъ (подъ предводительствомъ Королевица Стефана), не старался ли съ береговъ Скамандра помириться съ Угорскимиъ домомъ, избравъ для этого посредницей сестру свою Кунгугу? Неудовольствіе же Стефана онъ могъ навлечь на себя тѣмъ, что какъ только Угры вышли изъ Болгаріи, Мича малодушно бѣжалъ въ Месемврию и вступилъ въ переговоры съ Цареградскимъ Дворомъ, что было протавно политикѣ Угорскаго Двора.

Нарушевичъ, въ своей Исторіи Польскаго народа (т. V), опираясь на одномъ, сколько мнѣ извѣстно, свидѣтельствъ Длугоша (60), вотъ что говоритъ о женитьбѣ Лешка Чернаго, сына Казимира Куявскаго, съ дочерью Ростислава, которую онъ, по Длугошу, называетъ Грифиной: «Чтобы обезпечить себя въ будущемъ со стороны Русскихъ, Лешекъ женился на дочери Ростислава, бывшаго нѣкогда Княземъ Кіевскимъ, которая родилась отъ Анны Венгерской и была сестра Кунигунды. Послѣдняя, четыре года предъ тѣмъ, вышла за Оттокара, Короля Чешскаго, бросившаго первую свою жену Маргариту Австрійскую. Грифина была племянница Кунигунды Болеславовны: посему союзъ Лешка съ нею не только понравился властямъ, но и казался быть необходимымъ для края» (61).

(60) Dlugossi, Hist. Polonica, l. VII, стр. 774. Въ томъ же году, когда Boleslaus Pudicus назначилъ Лешка Чернаго своимъ наследникомъ, т. е. въ 1263, этотъ послѣдній женился на Грифинѣ— Rocislai Ducis Ruthenorum filiam.

(61) «A żeby zaś wyznaczony Książę (т. е. Лешекъ) spokojnieysze miał w czasie przyszłym od Rusinów sąsiednich panowanie, poślubił sobie Gryfinę, córkę Rostislawa Książęcia niegdys

Ясныхъ свидѣтельствъ о годѣ смерти Ростислава нѣтъ. Объ немъ упоминается только однажды подъ 1262 г., какъ о покойникѣ. Не знаю, что подразумѣвалъ Нарушевичъ, говоря: a żeby zaś wuznaczoney Ksiaże spokoynieysze miał w czasie przyszłym od Rusinów sąsiednich.... Какъ извѣстно, въ дѣлахъ Руси не принимали болѣе участія, ни Ростиславъ, ни его потомки, которые въ третьемъ уже колѣнѣ совершенно исчезаютъ даже за Дунаемъ. Здѣсь другой не ясный вопросъ: былъ ли Ростиславъ дѣйствительнымъ владѣтелемъ Родны въ Карпатахъ, или только Княземъ *in-partibus*? (потому что вовсе не извѣстно, какъ далеко простиралась власть его въ этой странѣ), — и не разумѣетъ ли Польскій Историкъ скорѣе Русиновъ Карпатскихъ, нежели Руссовъ Галицкихъ и Кіевскихъ?

Кіювского, уродzona z Anny córki Beli Króla Węgerskiego a siostry Kunegundy, z którą się przed czterema laty Ottokar Król Czeski ożenił, odrzuciwszy Małgorzatę Austriaczkę. Była Gryfina siestrzenicą Kanegundy Bolesławowey; przeto ten związek Leszka miłszym był Panującym, a potrzebniejszym zdawał się kratowis.

Дановъ въ XIII вѣкѣ.

